

Эдуард РУСАКОВ

РАССКАЗЫ из цикла «Комсорг дурдома»

ПОЧИТАЙТЕ РУСАКОВА

По моему выстраданному убеждению, Эдуард Русаков в наступившем XXI веке по праву заслуживает звания одного из самых крупных и оригинальных современных наших прозаиков. Я больше скажу: он, на мой взгляд, пожалуй что, и самый завлекательный российский беллетрист, если возвратить обрусевшему французскому выражению «belles lettres» его первоначальный смысл — «изысканная словесность», каковой, в принципе, является вся незанудная и непопсовая мировая литература, начиная с Петрония. Уметь с легкой ухмылкой или делая нарочито скорбную «позу рожи» говорить очень серьезные вещи — это высокое искусство, и обладатели его — высокие люди, которые, рискуя, могут позволить себе в литературе все или почти все.

Русаков, который пишет с детства, сочинил за шестьдесят с лишним лет литературного труда сотни рассказов, десятки повестей, несколько романов, пьес и даже для собственного развлечения издал сборничек «упаднических» стихов под псевдонимом Эд Чахлый.

Испытавший с одной стороны влияние Достоевского, Чехова, Кафки, Оруэлла, с другой — Мамина-Сибиряка, Вяч. Шишкова и Шукшина, он расположил на мировой литературной карте свой дивный сибирский город Кырск, за которым, естественно, угадывается огромный, прокопченный заводами и обезображенный знаменитой ГЭС Красноярск, его и моя родина, город, в котором он, врач-психиатр по образованию, живет практически всю свою жизнь, не соблазнившись ни столицами, ни границами. Думаю, что, как Макондо или Чегем, этот русаковский Кырск теперь — навсегда.

Его литература — фабульная, сюжетная, увлекательная, сострадательная.

Увы, при советской власти его почти не печатали, при власти нынешней он, не умеющий толкаться, юлить и пиарствовать, издается поражающим воображение тиражом 100 (сто!) экземпляров (почти самиздат), в Москву не суется, очевидно, помня, как обчистили его столичные издатели, распродав и переиздав безгонорарно его книгу с характерным названием «Палата № 666».

Однако я пишу эти строки вовсе не для того, чтобы кого-то разжалобить.

Я просто о том, что мне обидно — ведь многие российские читатели, ждущие от современной литературы не новорусских глупостей попсовых или заузного высоколобого слова, от которого жить становится еще тошнее, не знают Русакова, который мог бы стать одним из любимых ими писателей, потеснив в их сознании другие звучные и раскрученные имена.

РЕЗЮМЕ: Настоящие читатели, читайте настоящего, а не назначенного кем-то писателя.

Евгений ПОПОВ

МОЯ ЖЕНА — КОРРЕКТОР

Моя жена работает корректором в краевой газете «Кырская заря».

Она очень хороший корректор, моя жена. Дважды была участницей всероссийского тотального диктанта — и дважды получала оценки «отлично». Единственная отличница в нашем городе двоечников и троечников.

Правда, есть у нее один недостаток: она правит не только газетные тексты, но и мои рассказы, хотя никто ее об этом не просит. И ладно б еще только рассказы — она правит мою устную речь, мой характер, мои вкусы, привычки, мою повседневную жизнь. Она правит меня как личность! А это уже, согласитесь, слишком.

И чего ей неймется? Сегодня, к примеру, суббота, выходной день, — занялась бы, к примеру, домашней уборкой, приготовлением обеда или, к примеру, сходила бы в парк с нашей дочкой Маришей... Так нет же — лезет ко мне со своими замечаниями:

— В одной фразе три раза подряд «к примеру»... Это плохо, мой милый!

— Отстань ты, ради Христа! — восклицаю я. — Сколько раз просил: не мешай мне работать. Если хочешь знать, я специально трижды повторил «к примеру» — уж таков мой стиль!

— Тоже мне, стилист, — хмыкнула жена. — И не надо все упоминать имя Божие...

— Твое место — на кухне! — кричу я, отталкивая ее. — Киндер, кухен, кирхен!

— Тебе мало калечить русский язык? — усмехается жена, отступая. — Пожалел бы хоть немцев... Не «кухен», а «кюхе»! «Кю-ю-хе»!.. Эх ты... полиглот!

И она прикрывает за собой дверь.

А я продолжаю писать рассказ из цикла «Сказки для взрослых». Рассказ называется «Спящий красавец».

Герои этого рассказа — два брата-близнеца Ваня и Вася, призванные на военную службу из сибирского города Кырска (а откуда ж еще?) в Москву, в Президентский полк, или, как его чаще называют, в Кремлевский полк. Да, им сказочно повезло, Ване и Васе. Впрочем, они заслужили эту почетную службу...

— «Заслужили»... «службу»... — шепчет незримая тень моей жены. — Тавтология, милый...

— Отвали! — рычу я.

И продолжаю писать рассказ.

О том, что братья-близнецы Ваня и Вася больше всего мечтали попасть в роту специального караула, откуда формировались наряды на пост № 1 возле могилы Неизвестного солдата, что в Александровском саду, а также часовые у Мавзолея Ленина. Если честно, то близнецы особенно сильно мечтали охранять хрустальный гроб, где покоилось нетленное тело вождя Великой Октябрьской социалистической революции. Они очень любили великого Ильича, их воспитала в этой любви мама, старая негнибаемая коммунистка, и братья прочли много книг о Ленине, видели много фильмов и знали наизусть много стихотворений, посвященных этому великому человеку...

— Два раза — «великому», три раза — «много»... — прошептала невидимая жена.

Да, да, да! И не два, и не три, а сто тысяч раз — «великому человеку»! Братья очень, очень, очень любили этого великого человека. И были поражены, когда в первый же день в Москве, на Ярославском вокзале, старуха цыганка им нагадала два чуда: во-первых, сказала она, если Ваня (ткнула цыганка ему в грудь сухим коричневым паль-

цем) будет два часа подряд читать вслух ленинские тексты, а во-вторых, продолжала цыганка, повернувшись к Васе, если ты, Васек, поцелуешь Ленина прямо в губы...

— Но как же?! — прошептал растерянно Вася. — Как же я его поцелую — ведь он в гробу?..

— Главное — очень хотеть и верить! — грозно сказала цыганка, воздевая свой коричневый палец. — Верьте — и оба чуда свершатся!

— Какие? — пролепетали братья. — Какие два чуда?..

— Увидите, — усмехнулась цыганка. — С вас по тысяче рэ.

— У нас всего одна... — извиняющимся голосом произнес Ваня.

— Давай хоть одну, — и цыганка вздохнула. — Главное — верить. И все сбудется, как я сказала!

— ...Что за бред?! — прошептала мне прямо в затылок незримая тень жены. — Да неужто эти твои близнецы такие уж идиоты?..

Отмахнувшись, я продолжал писать свой рассказ про Ваню и Васю, мечта которых очень скоро сбылась: их направили стоять в карауле возле Мавзолея Ленина.

Вот стоят они, значит, стоят, и брат Ваня, едва шевеля губами, читает вслух фрагменты из ленинского произведения «Государство и революция»:

— «До тех пор, пока не наступит „высшая“ фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих...»

— Слишком длинная фраза! — хрюкнула мне прямо в ухо жена, но я — ноль внимания, я продолжал торопливо записывать сакральный текст, произносимый солдатом Ваней, словно в забытьи:

— «Но научная разница между социализмом и капитализмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал „первой“ или „низшей“ фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм...»

— Постой! Ты слышишь? — перебил брата Ваню брат Вася, кивая в сторону закрытой двери мавзолея.

— Н-нет... А что?

— Там... там... там... — бормотал дрожащий Вася.

— А ну тебя. Читаю дальше!

«Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма...» Нет, ты понял, Васек? Ты понял?!

— Что-о?..

— А то, что коммунизм неизбежен! И капитализм, который сейчас временно воцарился в России, был запланирован Ильичом еще тогда... он давно предсказывал, что из капитализма разовьется коммунизм! Но в 1917 году у нас не было настоящего капитализма, а сейчас он есть!

— И чего?

— А то, что, как и предсказывал Ленин, очень скоро из капитализма разовьется коммунизм! И наступит рай на Земле!

— Ой! Что это?! — взвизгнул вдруг Вася, роняя от страха карабин.

Двери мавзолея распахнулись — и оттуда вылетел хрустальный гроб с нетленным телом Владимира Ильича.

Братья-близнецы оцепенели от ужаса и восторга. Так же замерли и прохожие, и туристы, которых в тот момент было немало на Красной площади. Хрустальный гроб летал над площадью — круг за кругом, круг за кругом. Это было потрясающее, сказочное зрелище!

— Вот оно, первое чудо! — воскликнул Ваня. — Цыганка не соврала....

— А второе? — спросил нетерпеливый Вася. — Где второе чудо?

— Ты не в цирке, — строго одернул его Ваня, который был старше брата-близнеца на тринадцать минут. — Имей терпение, Васек!..

Совершив над Красной площадью тринадцать кругов, хрустальный гроб аккуратно вернулся на свое место, в мавзолей.

Двери мавзолея остались открытыми, словно вождь приглашал близнецов к себе.

— Айда! — сказал Ваня. — Теперь твоя очередь, Васек! Ведь ты любишь Ленина?

— Еще как люблю! — восторженно прошептал Вася и шагнул во мглу мавзолея.

Брат — за ним.

Гроб стоял на прежнем месте, только крышка лежала в стороне.

— Ну, давай же! — подтолкнул Ваня брата. — Не бзди, Васек!

Бледный и трепещущий Вася приблизился к нетленному телу любимого вождя, наклонился над его прекрасным лицом — и поцеловал в фиолетовые губы.

И второе чудо свершилось!

Ильич распахнул красивые, чуть раскосые карие глаза — и ласково улыбнулся братьям, которые смотрели на него, не мигая и не дыша.

Когда Ленин привстал в гробу, братья отшатнулись и попятиться.

— Не бойтесь, братцы, — сказал Ильич, приятно грассируя. — Все в полном порядке. За меня не волнуйтесь.

Он легко выпрыгнул из гроба, размял затекшие плечи — и направился прочь из мавзолея.

— Куда же вы, Владимир Ильич? — воскликнул Вася.

— Продолжать начатое дело, — ответил, не оборачиваясь, вождь мирового пролетариата. — А вы — продолжайте свою службу. Каждый должен оставаться на своем посту. Каждый должен вносить свой посильный вклад в дело построения коммунизма. Коммунизм неизбежен!

И на этом закончился мой рассказ «Спящий красавец» из цикла «Сказки для взрослых».

— Как ты мог?.. — прошептала ошеломленная жена. — Как ты мог сочинить подобную ахинею?! Это даже не постмодернизм — это детский лепет и старческий маразм в одном флаконе! Ау, Альцгеймер! И хоть бы придумал что-нибудь оригинальное... А то смешал гоголевского «Вия» со сказкой о спящей царевне — и доволен! И вообще, сколько можно терзать труп бедного Ильича?! Это просто пошло! Пошло!..

«Нет, не буду, не буду с тобой спорить, — думал я, глядя на разгневанную супругу, которая в гневе казалась еще привлекательнее и сексапильнее (или это — тавтология, ма шер?). — Говори, что хочешь, кисуля. Уж я-то знаю, что эта история будет иметь успех и скоро, очень скоро выйдет моя новая книга «Сказки для взрослых», за которую я обязательно получу одну из престижнейших литературных премий... и тогда... и тогда...»

— Разбежался, — хмыкнула жена, словно услышав мои мысли. — Не будет ни книги, ни премии, ни читательского успеха, ни славы, ни денег, ни обещанной мне норковой шубы. Ничего не будет. Скорее Ильич и впрямь воскреснет, чем ты, ничтожество, станешь знаменитым. Скорее коммунизм победит во всей вселенной, чем тебе улыбнется удача в одной отдельно взятой стране.

...Я смотрел на нее, онемев от ужаса и мазохистского восторга. Жена не просто читала мои мысли — она их правила! Я ее обожаю, мою царицу!

ГОРДАЯ МАМА

Моя мама никогда ни у кого ничего не просила.

Она с детства была приучена немилосердной судьбой к тому, что не стоит ждать от людей поддержки и помощи. Надо во всем рассчитывать только на себя.

Ей было четыре года, когда мой дед, ее отец умер от туберкулеза на германском фронте. Он был ветеринарным фельдшером, и когда началась Первая мировая война, его призвали в кавалерийские войска, лечить лошадей. Лошадей он лечил хорошо, а вот за собственным здоровьем не уследил. В ту пору не было ни ПАСКа, ни фтивазида, и поэтому дед мой прекрасно понимал, что он обречен. Месяца за два до смерти он выпросил увольнительную, чтобы съездить домой и проститься с женой и детьми. Сохранилась фотография, на которой изображены смертельно больной дед с вымученной улыбкой, печальная бабушка и четверо детей, среди которых можно видеть и мою маму — маленькую, с короткими растрепанными волосами, насупленную и даже сердитую. По этому снимку можно понять, что маме уже тогда не нравилась предстоящая жизнь.

Мой дедушка, ее отец умер вскоре после возвращения на фронт, летом семнадцатого года. Там, на западе, и был похоронен. В ту лихую революционную пору никакой поддержки от государства ждать не приходилось. Власть менялась неоднократно, и разномастным представителям этой власти было не до молодой вдовы и ее осиротевших детей. И моя бабушка осталась одна с четырьмя детишками на руках. Один сын, три дочери, средняя — моя мама. Но бабушка выстояла, вырастила всех четверых, работая учительницей начальных классов, выкормила, вывела их в люди. Впрочем, мама моя уже со школьных лет привыкла сама зарабатывать, чтобы помогать семье.

Мама была пионеркой и комсомолкой, звонко распевала вместе со всеми «Взвейтесь кострами, синие ночи», хотя в комсомол ее приняли не сразу как члена семьи социальных лишенцев: ведь отец бабушки был деревенским священником, и поэтому ей и ее детям нельзя было ни участвовать в выборах, ни поступать в вуз без рабочего стажа. Вот и пришлось маме сразу после окончания школы отправиться на Север, в деревню Ворогово, где она три года проработала учительницей в местной школе. В те годы голод добрался и до Сибири, и мама подкармливала своих сестренку и братишку, посылая им с попутными пароходами свежесоленую рыбу, топленое масло, муку и прочие необходимые для выживания продукты.

Обеспечив себе рабочий стаж, мама поступила в Ленинградский институт народного хозяйства, сдав все вступительные экзамены на отлично. После окончания института она поехала по распределению в Магнитогорск и вот там познакомилась с моим отцом, который был на комбинате большим начальником. Дальше все понятно —

любовь, планы на будущее. Молодые влюбленные стали жить вместе, обзавелись хозяйством. У меня дома от тех маминых юных лет сохранились вилка из нержавеющей стали и стеклянная вазочка в стиле модерн (явно дореволюционная). Даже сплю я на той самой кровати с никелированными шарами на спинке, на которой когда-то спали мои родители и на которой я был зачат в Магнитогорске... Но тут началась война — и отец мой стал рваться на фронт, хотя у него как у большого начальника была броня. Мама очень переживала, ведь она уже была «в положении», и ей, конечно же, не хотелось остаться одинокой вдовой с ребенком на руках. Но гордость мешала ей просить отца остаться, да это было бы все равно бесполезно.

«Роди мне сына!» — кричал отец, высовываясь из вагона, когда мама его провожала. «Рожу, не сомневайся!» — отвечала она, не вытирая слез. «И не плачь!» — кричал отец. «Я вовсе не плачу!» — отвечала плачущая, но гордая мама. — Это ветер!.. А я не плачу!»

Она была гордой, а он был порывистым и торопливым. Они даже расписаться в загсе не успели. Поначалу маме казалось, что это все равно, ну какая разница — расписались, не расписались. Но вскоре она поняла, что разница большая: потому что если бы они расписались, то мама получала бы от отца аттестат, то есть деньги. А так она не получала от него никакого аттестата, и деньги он ей присылал нерегулярно и понемногу. И гордая мама ничего не писала ему об этом. А он тоже об этом ничего не писал, но зато каждое его письмо было переполнено объяснениями в любви и обещаниями грядущего счастья. Мама вскоре вынуждена была уехать из Магнитогорска и вернуться рожать меня в Кырск, к своей маме, вернее, к своей младшей сестре, которая охотно ее приютила. По вечерам они читали друг другу письма от своих мужей. И если в письмах мужа младшей сестры были постоянные упоминания о денежном аттестате и напоминания о заготовке на зиму дров, картошки и прочих домашних делах, то в письмах моего отца были только бесконечные объяснения в любви и мольбы простить его за какую-то давнюю, непонятную мне вину...

Когда спустя много лет мне довелось прочесть все эти письма, я с жуткой ясностью понял, что больше всего моя гордая мама страдала от унижения, от роли приживалки, нахлебницы в доме родной сестры. Это она-то, привыкшая быть в семье главной добытчицей, быть всегда и во всем свободной и независимой, вдруг по вине моего отца стала... да, да! — нахлебницей, приживалкой, незаконной женой, нерасписанной матерью-одиночкой. Именно это терзало ее уязвленную душу куда сильнее, чем разлука с любимым... Да и таким ли уж он был любимым, мой бедный отец?

Когда я все это понял — мне стало так жаль их обоих... Особенно, конечно, ее, мою бедную гордую маму! Бедная, бедная мама...

Но когда я перечитываю письма моего отца с фронта — мне жаль и его. «Здравствуй, моя „сердитка“...» — вот как он к ней обращался. «Буду верен тебе до последнего вздоха. Твой „страшненький“...» «Прошу тебя, не рискуй здоровьем, береги ребенка и нашу любовь...» «Моя любимая, ты стыдишься перед своей мамой за свой „поступок“?.. Напрасно. Скажи маме только правду — что, мол, все произошло по обоюдному согласию, как мы хотели вместе с тобой. Ведь это правда. Мама тебя любит и поймет...»

Уверен, что бабушка, мамина мама, все понимала прекрасно. И нисколько их не осуждала.

Но письма мамы к отцу становились с каждым разом все более злыми и ожесточенными. И наконец она совсем перестала ему отвечать.

Два с лишним года — вы только представьте! — отец ей писал, умолял о прощении, о пощаде... Хотя если уж совсем честно — в чем он был виноват? Только в том, что

слишком поторопился на фронт, не успев узаконить их отношения? А на фронте он, между прочим, ежедневно рисковал жизнью... Два с лишним года — с ума сойти! — он писал ей, писал, писал — и не получал ответа. Мама, мамочка, почему ты была так к нему жестока?.. Ведь могла бы и пожалеть, и простить.

Отец не вернулся с фронта, пропал без вести, скорее всего — погиб.

Бедный, бедный отец. Бедные мы люди.

Бедный я, сирота-одиночка.

Бедный Боженька — не может дать бедным людям хоть капельку счастья. Не может или не хочет?

Если мы созданы Им по Его образу и подобию — значит, Он так же несчастлив, как и мы все?

Такой же гордой, независимой и одинокой мама оставалась всегда. Ни разу не вышла замуж. Никогда ни один мужчина не переступал порог нашего дома. У нее никогда никого не было — это я знаю точно, потому что мама всегда была со мной, я всегда был при ней, с ней рядом. Я был вечным ее стражем, спутником и невольным свидетелем ее вечной верности, моей гордой мамы, хотя никогда и не задумывался об этом. Мне казалось это само собой разумеющимся — мама только моя! И ничья больше! Ничья рука не смеет коснуться моей мамы! И не касалась никогда.

«Ты никогда ни в чем не сможешь меня упрекнуть», — сурово нахмурившись, говорила мне частенько моя мама. Да, жила она только ради меня. И я ее ни в чем не упрекаю.

Она была гордой и независимой даже в последние дни своей жизни, когда категорически отказывалась от врачей, от больницы. Никого не подпускала к себе. Никого, кроме меня. А разве мог я остановить смерть?

Мамы нет уже много лет, но она всегда рядом, всегда со мной.

Ее фотографии передо мной, ее вещи нетронуты, даже любимое ее сиреневое платье с брошкой из чешского стекла висит в шкафу и будет висеть там, пока я жив. И все ее безделушки, сувениры и фарфоровые статуэтки стоят на полках, и даже значок «Ворошиловский стрелок» лежит там же, напоминая о том времени, когда мама, на зависть всем мужчинам, выбивала в тире центрального парка десять баллов из десяти... Она очень метко стреляла, моя мама! И я до сих пор пью из маминной серебряной рюмки и ем маминой вилкой из нержавеющей стали, на которой отчетливо видно клеймо: «Нерж., Магнитогорск, 1937 г.». Да что вилка! В той самой старинной вазочке из фиолетового стекла до сих пор стоят три засохшие хризантемы, поставленные туда мамой незадолго до смерти. И я до сих пор сплю на маминой кровати с никелированными шарами на спинках, на той самой кровати, на которой когда-то я был зачат...

...Я до сих пор слышу мамин голос, я вижу ее, она снится мне каждую ночь — она учит меня, как надо жить, чтобы не терять своего достоинства и свободы, хотя жизнь моя тоже ведь скоро кончится.

Мама, мама, ну хватит же, хватит учить меня жизни. Научи меня лучше, как умереть достойно.

Мама... мамочка... оставь ты меня в покое, ради Христа.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Открываю глаза — где я? Что со мной? Почему я лежу в этой белой комнате, на белой больничной кровати? Голова моя забинтована, правая рука в гипсе.

В распахнутое окно влетает белая бабочка, бе-ба-бо, я слышу шелест ее крыльев, она мечется, бьется в стекло, порхает по комнате, ударяется о стеклянный плафон над моей головой, осыпает мое лицо легкой прозрачной пудрой. Я желаю поймать крылатую гостью — но загипсованная рука плохо мне повинуется. Я откидываюсь на подушку, закрываю глаза.

И густой красноватый туман вновь окутывает мое сознание.

— ПРОСЫПАЙТЕСЬ, БОЛЬНОЙ!

...Это было давным-давно, в послевоенном детстве, мы с мамой сидим в приморском ресторанчике, на веранде, мама совсем молодая, веселая, смотрит на меня и смеется. Мы едим горячие хачапури с соленым сыром и сливочным маслом и пьем обжигающее какао. А рядом, за соседним столиком, сидит загорелая белозубая красавица, она жадно грызет куриную ножку — ее волчий аппетит меня восхищает. Красавица сверкает жемчужными зубами, жмурится от солнца, как кошка, разрывает куриные сухожилия, ее алый рот и румяные щеки запачканы жиром... Она так хороша!..

— Что с вами, больной?

— Мне кажется, я попал под машину. Под машину времени.

— Да вы, я смотрю, уже шутите. Значит, дело пошло на поправку.

И мужчина в белом халате улыбается.

А какая-то заплаканная женщина (очень знакомое лицо!) склоняется надо мной.

— Сколько раз тебе говорила: не переходи на красный свет! А ты все на красный, на красный. Вот и...

— Где я?

— В больнице. И я с тобой.

— А кто вы... кто вы такая?

— Как?! Ты меня не узнал?..

...Растянута гармошечка (там, за стеной), и рядышком милашечка (там, там — за стеной), и теплая, как кошечка... а у него такие твердые, мозолистые руки, пальцы с обломанными ногтями, желтые, пахнущие табаком, а у него (там, за стеной) такие руки, а у нее такие плечи...

...Она такая мягкая, ах! рот — конфетка мятная, ах! нос — ну прямо пуговка, а он — ну прямо пугало...

...Там, за стеной — морщинится гармонь:

Не ходите, девки, к морю —

Море колыхается.

Не любите, девки, Колю —

Коля матюкается!..

— И куда же вы так спешили? — спрашивает мужчина в белом халате. — В рай, что ли?

— Не помню, — говорю. — Ничего не помню.

— Амнезия, потеря памяти. Пospешил — людей насмешил. Тяжелая черепно-мозговая травма, перелом правой плечевой кости...

— Он в редакцию торопился, — поясняет женщина с ужасно знакомым лицом. — Его несколько лет не печатали, он совсем уж отчаялся... а тут вдруг позвонили — мол, срочно приезжай, будем подписывать договор. Вот и помчался...

— Так, значит, ваш муж — писатель?

...Я спутал все. Я себя с кем-то спутал. Я тебя с кем-то спутал. Впрочем, ты ни при чем.

Кто я? Как меня зовут? Что со мной? Неужто и впрямь — попал под машину? Мир вокруг — совершенно неузнаваем и странен...

Небо было серое, стало розовое. Крыши были черные, стали серебряные. Была ночь, стало утро. Солнце взошло.

— Значит, говорите — попал под машину времени? Весьма остроумно. Сразу видно, что сочинитель. А что вы пишете, если не секрет?

— Н-не помню...

— Ну, в каком хотя бы жанре? Прозу, стихи, эссе?

— Не помню я. Ничего не помню.

— А хоть помните, как ваше имя?

— Нет. Не помню...

— Постарайтесь все же припомнить. Это ж надо, такая глубокая амнезия...

Женщина, молча стоявшая у окна, заплакала.

— Перестаньте, — сказал ей мужчина в белом халате. — Он идет на поправку. Скоро будет совсем молодец.

— А память? — всхлипнула она.

— И память восстановится. — Мужчина в белом халате вновь обернулся ко мне. — Какой год сейчас — можете сказать?

— Н-нет. А какой сейчас год?

— В какой стране вы живете?

— Н-не помню...

Он громко расхохотался.

— Замечательно! Просто великолепно! Таких, как вы, надо студентам на лекциях демонстрировать.

— Доктор, как ему помочь? — воскликнула женщина.

— Не беспокойтесь, память восстановится. Принесите ему газет...

— Газет? Каких газет? Старых или новых? У нас дома — целый архив. Полный шкаф газетных вырезов и подшивок.

— Вот и тащите любые, пусть читает. Глядишь, быстрее в себя придет.

«...Как недавно это было!.. Первомай, праздничная Красная площадь. Весенний ветер треплет полотнища алых флагов. Демонстранты с песнями проходят мимо Мавзолея. Там, на трибуне, среди своих соратников — любимый вождь. Спокойный, полный глубокой думы и затаенной улыбки взор.

— Сталин! Сталин! — кричат люди. И смех, и счастье, и нежность во взглядах...»

...А помнишь, одна знакомая пожилая женщина тебе как-то призналась, что она впервые испытала оргазм лет в сорок, когда шла по первомайской Красной площади в праздничной колонне — и увидела на трибуне Мавзолея любимого вождя?..

«...И тогда, в тот счастливый день, на трибуну Мавзолея поднялась маленькая школьница. Как горячо, как гулко билось сердце в груди, когда, замирая от любви и восторга, она протянула Иосифу Виссарионовичу цветы.

— От советских детей, — сказала она.

И девочка прижалась к плечу вождя, к его сильному, отцовскому плечу, и близко посмотрела в родные глаза. Сталин все понял и обнял девочку. Вместе с ней он мысленно обнял детей всей советской страны — юное племя, которое он всегда так щедро любил...»

— Я вспомнил! Вспомнил! — кричу я радостно. — В тот день у нас не было уроков, только траурная линейка в школьном дворе... А потом нас заставили пришить в концам красных пионерских галстуков черные траурные уголки...

«...Три дня и три ночи развеивает ветер траурные флаги на улицах Москвы. Колонный зал Дома Союзов. Вот от группы детей отделяется девочка. Она крепко закусил губу, чтобы удержать рыдания, теснящие грудь. Девочка положила цветы к гробу Сталина.

— От советских детей, — чуть слышно шепчет она. И смотрит, смотрит в родное лицо...»

Мы в Отечестве своем
К изобилию идем!
Чай да сахар! Хлеб да соль!
К нам пожаловать изволь
На выставку!
На выставку!

Оборона — наша честь,
Дело всенародное.
Бомбы атомные есть,
Есть и водородные!

...Ведь это счастье — верить в счастье.

Все очень просто и очень сложно. Все можно оправдать и все можно опровергнуть. Все хорошо и все плохо — оценка зависит от точки зрения и настроения оценщика.

И не нужно цепляться за истину, которую ты постиг сегодня, — завтрашний день принесет свою правду.

— Я пришла! Здравствуй!

И сердце запрыгало от счастья, как ребенок под дождем.

В этом огромном, шумном, дымном городе — нам тесно, тесно, тесно. В этой маленькой темной комнате — нам просторно, просторно. Мир — это я и ты. И наша любовь.

Студенческая общага. Заплеванный пол. Грязная кровать. Чистая любовь.

И эль, и ю, и бэ, и эль, и ю,
И ель у дюн, и белый день в июль...

Ты, нежная!
Ты счастье мне сулила!..

Итак, это сон, моя маленькая,
Итак, это сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон...

Помню — осенью — вместе в колхоз. Уборочная страда. Нары. Песни под гитару.

Вот окончим мы вуз,
Диплом получим
И поедem с тобой
В колхоз могучий.

Ах ты, чува моя, чува!
Тебя люблю я!
За твои трудодни
Дай поцелую!..

Подружился я там, в колхозе, с одним бывшим эком — он песни блатные, лагерные пел потрясающе задушевно. «Так здравствуй, поседевшая любовь моя!» — например. А еще на ходу сочинял-импровизировал забавные стишки, вроде этого:

А ну, — сказал У-Ну, —
Х..ну я на Луну!

Чушь собачья — а ведь запомнилось. Всякая чепуха осела в памяти. Мусор, конечно... Драгоценный мусор. Антикварный мусор моей памяти. Руки прочь. Мне мой мусор дороже всех ваших премудрых мыслей.

Прошла молодость, и друзья институтские разлетелись, забылись, половина спились, половина выбились в большое начальство, никто ни с кем не встречается, не переписывается... И та девочка кареглазая, моя первая любовь, дважды уже выходила замуж и разводилась и живет где-то в Забайкалье, если, конечно, не умерла...

А музыка льется, светла, легкокрыла,
В ней юности нежность и звонкая сталь.
Флаг поднят! Молодость мира открыла
Сегодня Московский шестой фестиваль!..

«...Неужели это та самая нищая страна с неграмотными, бородатыми мужиками, та самая горстка опьяненных свободой людей, которые отбивали натиск всего мира; неужели это та самая страна без электричества, почти без железных дорог, с печами, в которых не было угля, с пустыми закромами, страна, где белый отец стрелял в красного сына, где Иван-колчаковец убивал своего брата Павла-большевика?.. Скажите мне, неужели это вы спустя немногим более тридцати лет построили Ту-104?!

ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ОБЕЩАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ! (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

«...Нет, как бы ни плакал Пастернак о русской интеллигенции, будто бы погибшей в революции, как бы ни клялся он в любви своей к ней, каким бы непрошеным Мессией якобы неотъемлемого от нее христианства он себя ни воображал, называть себя русским интеллигентом он не имеет оснований...»

- И как мы себя чувствуем?
- Спасибо, доктор. Вроде получше.
- Пришли в себя?
- Прихожу... понемногу.
- Вы только не переутомляйтесь. В меру читайте, в меру. А то мне придется отобрать весь этот ваш архив. Ишь, обложился... Архивариус. А как голова — не болит?
- Голова не болит.

...На каждом шагу — запреты, табу, светофоры заклинило на красном...
— Но я, как и многие, предпочитал как раз все запретное. Доставал и читал старые издания Фрейда, Ницше, Гумилева, Ходасевича, Розанова, Бердяева...
— И при этом испытывал наслаждение ослушника и еретика, сопровождаемое, впрочем, горьким чувством хронического греха, постоянным сознанием неизбежной вины, социальной ущербности. Быть изгоем — невеликая радость. Так и осталось во мне это смешанное чувство. И даже потом, когда времена изменились, когда то, что было нельзя, стало можно, и то, что считалось плохим, стало считаться хорошим, — даже тогда ощущение собственной ненормальности и неизбежной греховности меня не оставляло.

В старом Китае девочек с раннего возраста заставляли носить тесную обувь — чтобы ножка навеки сохраняла миниатюрное изящество. Наши души с рождения тоже были втиснуты в тесные колодки — и попробуй теперь распрямись!

Ни о чем не жалею.
Ничего не желаю.
От стыда не алею,
От любви не пылаю...

«...ГДЕ, В КАКОЙ СРЕДЕ ВОСПИТЫВАЛСЯ ЭТОТ МОРАЛЬНЫЙ УРОД ?!»

...Я лежал и ждал терпеливо, как рыбак ждет клева, ждал хоть слабого намека на воспоминание, и хватался за кончик светящейся нити, запутанной в клубок, и тянул, и разматывал, мучительно и надсадно стараясь восстановить прошлое, но ничего не видел, кроме густого душного мрака, кроме желтого промелька наискосок — что это? желтая аллея? ага! вспомнил! по желтой аллее, по желтой аллее... а сквозь дырявую листву ага вспомнил прорывалось солнце а с тополей вспомнил вспомнил летел белый пух и лез в рот в нос в уши а она смеялась и убегала от меня по желтой аллее туда нет еще ага вспомнил вспомнил тонкие руки с гладкой кожей а ее волосы пахнут калеными орешками ага вспомнил ямка над ключицей круглое плечо ага вспомнил это нежная ее грудь это нежно твердеющие соски под моими пальцами вспомнил вспомнил но где же она сама?!

Вот ведь только что — рядом стояла. На железнодорожном вокзале, в душном зале ожидания. Куда же она пропала?

Кинулся к двери — перед глазами: «Нет выхода».

Отшатнулся. Прислонился к толстой белой колонне. И долго, не мигая, смотрел на черную безнадежную надпись: «Нет выхода».

Кинулся прочь от этой двери. Бежал по сумрачным коридорам, подземным переходам, грязным заплыванным лабиринтам — и всюду наткнулся на одно и то же:

— Нет выхода!

Наконец с толпой пассажиров из только что прибывшего поезда вырвался наружу, на привокзальную площадь. И увидел на черном беззвездном небе грозно сверкающие гигантские буквы:

НЕТ ВЫХОДА!..

САЙГОНСКИЕ МАРИОНЕТКИ У КРАЯ ПРОПАСТИ

РАСПОЯСАВШИЙСЯ ДИПЛОМАТ

ВПЕРВЫЕ В МИРЕ

НА ОКОЛОЛУННУЮ ОРБИТУ ВЫВЕДЕНА СОВЕТСКАЯ АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ЛУНА-10». МИР ВОСХИЩЕН ПОБЕДОЙ СОВЕТСКОЙ НАУКИ!

ЦЕЛИ ЯСНЫ, ЗАДАЧИ ОПРЕДЕЛЕНЫ. ЗА РАБОТУ, ТОВАРИЩИ! (Бурные, продолжительные, долго не смолкающие аплодисменты.)

— Так, значит, мы с вами коллеги? — улыбнулся мужчина в белом халате. — И сколько лет вы проработали врачом-психиатром?

— Не помню.

— А что вас потянуло именно в психиатрию?

— Это было так давно... так давно... Возможно, я просто прятался в психиатрию от реального мира, где не мог напечатать свои рассказы?..

«...Злопыхатели озабочены лишь одним: изобразить душевнобольного человека таким „борцом за идею“. В действительности же речь идет о лицах, совершивших общественно опасные действия в состоянии невменяемости или заболевших в период следствия, суда или после вынесения приговора душевной болезнью...»

УРОЖАЙНАЯ ВАХТА

«КОСМОС-17» В ПОЛЕТЕ

ЖАН ПОЛЬ САРТР: ПИСАТЕЛИ ПЛАНЕТЫ, ЗА КРУГЛЫЙ СТОЛ!

ОНИ ЖИВУТ В ТРУЩОБАХ

ПОСМЕРТНАЯ РОЛЬ МЭРИЛИН МОНРО

«...Литература и искусство в нашей стране не могут развиваться без руля и без ветрил, — сказал в своем докладе товарищ Ильичев Л. Ф. — И мы благодарны ленинскому ЦК и лично Никите Сергеевичу Хрущеву за то, что ими своевременно поставлен вопрос перед работниками литературы и искусства о чувстве настоящей ответственности за свою работу...»

— А вы наукой не пробовали никогда заняться? — спросил человек в белом халате.

— Какой наукой?

— Ну, вы же были врачом... Не пытались, как многие, поступить в аспирантуру? Кандидатскую написать, а?

— Как же... пытался. Собирал материал. Особенно поначалу, когда еще жил в деревне.

- Ну и?..
- Тема оказалась запретной. Я, видите ли, хотел написать о самоубийцах. Меня это всегда очень интересовало.
- А-а. Да, эта тема, конечно, у нас была закрыта...
- А я не знал. Множество случаев описал, привел выписки из историй болезней, провел статистический анализ, попытки прогнозирования... И все зря. Только сунул-ся со статьей в журнал — оказалось: табу.
- Понятно. А другую тему взять не пробовали?
- Зачем?
- Значит, отказались от науки?
- Не только от науки. Я и от литературы несколько раз отказывался. Там ведь запретных тем куда больше...
- Было. Сейчас времена вроде бы изменились.
- А какие сейчас времена?
- Шутите? Ну, какой хоть год нынче — помните?
- Нет, не помню.
- А перестройку — помните?
- Пере — что? А-а... немного припоминаю... что-то такое хорошее и приятное...
- Да-а. Вам еще надо лечиться, голубчик.
- Как прикажете.
- Крепко же вас долбануло!
- А разве только меня?
- Ну, не меня же.
- А мне кажется, все мы попали под эту машину...
- Под какую машину? Вы, голубчик, слишком уж любите навязчивые аллегории... Впрочем, понятно — ведь вы писатель... сочинитель!

Золотые студенческие годы, золотые шестидесятые... а такие ль вы были уж золотые? Почему-то вдруг вспомнилась пьяная вечеринка после получения диплома: застолье в общаге, массовая эйфория, атмосфера триумфа, праздника... А я вдруг — неожиданно даже для себя! — швырнул на стол свой свеженький диплом и воскликнул: «Зачем?!» — и все стали надо мной потешаться, а я все повторял, повторял с пьяным упорством лишь одно это слово: «Зачем? Зачем? Зачем?!.»

Помню, на пятом курсе, когда меня за пропуски лекций лишили стипендии и я вынужден был подрабатывать сторожем на острове Отдыха (караулил там склад спортивного инвентаря), была у меня сторожевая собака. Правда, очень уж бестолковая: лаяла без нужды, спать не давала, будила меня по ночам. Я долго не мог понять: чего она лает? Однажды среди ночи, когда глупая псина разбудила меня своей брехней, я вышел из сторожки, прислушался — и наконец-то понял: она перекликается с собственным эхом! Лает, лает — а эхо ей отвечает, и она снова лает, и так без конца. Бедная, глупая псина — совсем спятила от одиночества.

Не так ли вот и сам я сейчас — перекликаюсь с собственным эхом? Мне лишь кажется, что кто-то мне откликается издалека, кто-то мне отвечает, и кто-то спорит, а кто-то поддерживает... Но скорее всего, эти пестрые голоса — лишь иллюзорные отголоски, отзвуки собственного бормотания, осколки моего эха...

Я таскал за собой свое одиночество, как улитка таскает раковину.

СТРАННАЯ ПРАВДА РОЖЕ ГАРОДИ
САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ ИЛИ САМОВЫРАЖЕНИЕ ПЕТЕРА ВАЙСА?
ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР ДУБЧЕК БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ РЯДОВ КПЧ?
ЗА ЧТО «ВЕЛЬТ» ХВАЛИТ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ?
ГЕНРИ МИЛЛЕР — РАСТЛИТЕЛЬ ДУШ
КОНЕЦ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЛАСОВЦА

...А сегодня мне приснилось, что я пришел к тебе домой — как говорится, просить руки. Сколько можно тянуть резину? Не маленькие, пора и о семейной жизни подумать. Вот и пришел, вот и объяснился, вот и сделал тебе предложение.

Ты запрыгала от радости, захлопала в ладоши, стала всех созывать: маму, папу, дядю.

— Мамочка! Папочка! Дядечка! — кричала ты. — Он меня любит, любит! И мы с ним поженимся!

Папа сказал, откладывая газету:

— Рад за вас, очень рад.

Мама сказала, всхлипывая:

— Будьте счастливы. Берегите ее, мою глупышку.

Я сказал:

— Да, конечно...

А дядя взлетел вверх, сел на люстру, раскинул перламутровые крылья — и громко крикнул:

— Дур-р-рак!!!

Постепенно я понял, понял: люди сгорают от любопытства. От любопытства — не от любви.

Вот и наша любовь очень скоро приобрела привкус горечи и хронического обмана. Но страшнее всего — скука, скука...

Женщины — совсем иные существа... быть может, они марсиане, пришельцы из космоса?

Гармония невозможна. Гармония вообразима лишь в искусстве — но сколько же можно путать искусство с жизнью?

Человек — это звучит горько.

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ШУМИХОЙ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА?
ТЫ КРИТИКУЕШЬ? В СУМАСШЕДШИЙ ДОМ! (Корреспонденция из Рима.)
ПРОВОКАЦИОННАЯ АКЦИЯ
НЕДОСТОЙНАЯ ИГРА
ПО КАКОЙ РОССИИ ПЛАЧЕТ СОЛЖЕНИЦЫН?

— Мне страшно! — кричал больной. — Я боюсь выходить на улицу! Там машины, трамваи, троллейбусы... я их жутко боюсь! Это железные дикие звери, обожравшиеся бензином... железные людоеды!

— Что ж... Боишься — не выходи. Сиди дома. А еще лучше — у нас, в палате, под хорошим присмотром.

— Мне страшно, доктор... Жить вообще — страшно!

Всем помогу, всех успокою. Добрый доктор Айболит.

Доброта — броня. Доброта помогает мне сохранить внутреннюю свободу. Я добр — и я сам по себе. Я добр — и оставьте меня в покое. Я добр — и провалитесь вы все к чертовой матери!..

Ловля читателя — как рыбная ловля. Читатель должен клюнуть на сюжетную приманку — и заглотить смысловой крючок.

И поменьше словесного флера, лирического тумана. И не стоит винить в своих бедах других. Особенно — винить время... ведь время — фикция! Я прекрасно же понимаю: я сам во всем виноват.

Никогда ни к чему я не относился всерьез. Все вокруг казалось мне поводом для пародии, для насмешки. «Есть вещи, над которыми нельзя смеяться?» Врете! Нету таких вещей! Тем более что от смеха никто никогда не умирал...

Я не жил никогда, я лишь играл в жизнь. В детстве — помню — играл в председателя совета отряда, в старосту класса, позднее — в комсорга группы, в председателя местного комитета... Удивительно, как я еще не попал в номенклатуру? Впрочем, ничего удивительного: я ведь так и не отважился вступить в партию... Играл в психиатра, в заведующего отделением, в начмеда, потом играл в мужа, в отца своих детей (а вот как их зовут — забыл), играл в любящего сына, играю в пи-са-те-ля, играю в гражданина своего Отечества...

Если хочешь быть свободным — будь, как все. Не выделяйся — и останешься невидимкой. Ведь главное — это внутренняя свобода, не так ли? О, лукавый самообман.

Вот если бы жив был отец... Быть может, в этом одна из главных причин бесхребетности моего поколения — безотцовщина?

Оправданий — тьма.

Вся наша жизнь — оправдание для неудачника.

Только бездельник может считать себя нравственно безупречным. Вот в чем суть нашей вечной обломовщины. Не случайно же в слово «бизнес» многие продолжают вкладывать только отрицательный смысл.

«Самая читающая в мире страна»... Нашли чем гордиться! Самая ленивая в мире страна, потому и самая читающая. Читать-то легче, чем вкалывать до упора. И вообще — читать интереснее, чем жить.

А еще нам всем было очень приятно осознавать себя гражданами ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ. Ведь это так лестно. Палец о палец не ударили — и оставались гражданами ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ. Самый последний бич, самая зачуханная шлюха вокзальная, самый засранный алкаш — все они тоже постоянно чувствовали себя гражданами ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ. И я — к чему скрывать? — тоже частенько ловил этот общедоступный кайф.

ЛЖЕЦЫ И ФАРИСЕИ

МЕМУАРЫ САДАТА — УДАР ПО СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКОЙ ДРУЖБЕ

С КЛЮШКАМИ НАПЕРЕВЕС

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА «ЕВРОКОММУНИЗМОМ»?

ГОРМОН УДОВОЛЬСТВИЯ ВЗАМЕН СЧАСТЬЯ?
БЛЕСК И НИЩЕТА САЛЬВАДОРА ДАЛИ

В один прекрасный день я твердо решил: все! хватит! хватит писать о себе. Хватит вариться в собственном соку. С завтрашнего утра начинаю писать о других. От третьего лица.

Чужая душа потемки — но я ведь, как кошка, вижу и в темноте.

Вот я вышел на улицу, вот я прогуливаюсь, присматриваюсь, прислушиваюсь, принохиваюсь, проникаю в чужие души — и тут же фиксирую: ага! — вот этот хорошенький мальчик вчера утопил собаку в проруби, а вот эта десятиклассница идет в гостиничный номер, где ее дожидается страстный базарный торговец, прилетевший из Баку; а вот эта аккуратненькая бабуся ежедневно на кухне в своей коммунальной квартире ворует мясо из чужих щей; а вот этот кудрявый юноша со скрипкой готов убить своего лучшего друга за то, что тот талантливее его; а вот этот очкастый с портфелем... да это же мой коллега! наш известный писатель, милейший человек... но куда это он направляется?.. что ему делать в этом серьезнейшем учреждении на улице Дзержинского?.. и что это за папочка у него под мышкой?.. и что у него на уме?!

ЖИВУЩИЙ В МЮНХЕНЕ АВСТРИЕЦ КОНРАД ЛОРЕНЦ, «ДОКАЗАВШИЙ», ЧТО ЧЕЛОВЕК ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ БУДТО БЫ НЕ СОЗДАН ДЛЯ ВНУТРЕННЕ СОЛИДАРНОГО, СВОБОДНОГО ОТ АГРЕССИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, БЫЛ ДАЖЕ ОТМЕЧЕН НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИЕЙ...

Нет, никто нас, прозаиков и поэтов, не заставлял писать под диктовку — сами старались отличиться. Внешне все было вполне пристойно, по сути же — сплошное бесстыдство. Мясорубка работала безостановочно. Подавляющее большинство «мастеров культуры» превратилось в фарш... какая уж там творческая индивидуальность! И лишь считанные единицы становились костью поперек горла — и мясорубка скрежетала и ненадолго притормаживала свой вечный ход. Стоп, машина.

Стоп, машина времени.

...А теперь ответь по возможности честно: кто же ты сам? Кость в горле? Или кучка фарша?

А что? Сработала, значит, проворная мясорубка — и ты уже фарш, и вот уже на издательской сковородке шкворчит горячая котлета — твоя первая книжка. Ах, счастье какое.

И жизнь продолжается.

И вот уж какой-то румяный мальчик ко мне обращается за советом: гляньте, пожалуйста, мой рассказец. И я читаю, даю советы, цитирую Чехова и Моэма. И мне не стыдно.

Думаю одно. Говорю другое. Пишу третье. Предлагаю четвертое. Требую пятое. Пишу шестое. Исправляют на седьмое. Добавляю восьмое. Печатают девятое... хоть и редко, но ведь печатают же!

О Боже мой, Боже... как мог я так жить?

А разве можно было иначе?

Что вы так смотрите на меня, доктор? Чем я лучше других? Не лучше, не хуже. Круговая порука. Правила игры. «Черно с белым не берите, „да“ и „нет“ не говорите...

Вы поедете на бал?» Поеду, поеду! Обязательно поеду! Хотя на запятках господской кареты — а уж помчусь! Так хочется на бал!.. Приезжаю, значит, на бал — а там все свои... здра-а-асьте... Дружный, тесно спаянный коллектив. О, фарш единомудушный...

КАМПУЧИЯ СБРАСЫВАЕТ ОКОВЫ ПОЛ ПОТА
ГАРСИА МАРКЕС: Я ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ЛИТЕРАТУРЕ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПАДЕТ РЕЖИМ ПИНОЧЕТА
ШПИОН С БОЛЬНИЧНЫМ ЛИСТОМ

Вдруг я понял: жизнь проходит, проносится мимо, а я — неподвижен. Ничего не успел, не смог, не сумел.

Бег на месте — вот моя жизнь.

Бег на месте, за двумя зайцами — это совсем уж двойная бессмыслица. Или так — бег в мешке. Выбирайте образ по вкусу.

Нет-нет-нет. Никого не виню. Сам во всем виноват, и не только перед самим собой.

О, родина моя. Строгая моя родина. Не уйти, не вырваться из душных твоих объятий. Вот уж трудно идти, ноги вязнут, почти невозможно сдвинуться с места, как во сне, и нет сил... да и незачем. И я сдаюсь, останавливаюсь и погружаюсь все глубже в родную трясиину. И вот уж я весь, почти весь погружен в болото, вот и сердце мое охвачено клейкой ледяной протоплазмой... о, родина моя!.. вот и рот мой залеплен болотной гущей... одни лишь глаза — перепуганные глаза тарашу я в белое небо.

Родина моя, серьезная моя родина, не признающая шуток и шутников, мой родимый край — бескрайний и беспощадный!.. Я твой, никуда я не денусь, никому я не нужен, и тебе я не нужен, но я без тебя не смогу, и нет сил вырваться из твоих душных ленивых объятий. Я твой раб, крепостной, я твой блудный сын, я твой бедный родственник. Седьмая вода на киселе. Не ругай, не гони, моя родина, будешь гнать — сам вернусь, приползу, упаду, скорчусь под твоими справедливыми пинками, поцелую твой тяжкий сапог и, жалобно скуля, свернусь приبلудным щенком у твоего порога, грязным ковриком для вытирания хозяйских ног...

— Ну-у, дорогой товарищ... Знаете, как это называется?

— Знаю, доктор. Мазохизм. Эксибиционизм. Маразм.

— Ну, пошел, поехал... Не такой уж вы разнесчастный, каким хотите казаться. Два диплома, автор дюжины книг, прекрасная квартира, верная жена, здоровые умные дети... И вам не стыдно?

— Очень стыдно, доктор. Особенно стыдно бывает, когда кто-нибудь из читателей вдруг обращается за советом: как жить, что делать, кто виноват... А я ведь сам ничего, абсолютно ничего не понимаю! Я даже в самом себе разобраться путем не могу... Вот сегодня утром смотрел на себя в зеркало — и не мог понять: кто это? что за личность такая отвратная?

МОСКВА ПРОЩАЕТСЯ С БРЕЖНЕВЫМ
РОДИНА СКОРБИТ
«НЕТ» ЗВЕЗДНЫМ ВОЙНАМ!
СИОНИЗМ — УДАРНЫЙ ОТРЯД ИМПЕРИАЛИЗМА
РОБОТ-УБИЙЦА НА СЛУЖБЕ ПЕНТАГОНА

— Отец, отец, зачем ты нас оставил? — бормотал больной старик-ветеран, обращаясь к портрету любимого вождя, вырезанному из журнала «Огонек» сорокалетней

давности. — Неужели все зря? Неужели мы зря надрывались и проливали кровь? Неужто гнилая вонючая либеральная плесень покроеет грандиозное здание, возведенное нашими руками по твоему проекту? Неужто все рухнет?! Отец, умоляю — не допусти!

БЕЗАЛКОГОЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ?
НИ СЛОВА О ВОДКЕ!
ПЕРЕСТРОЙКА И ГЛАСНОСТЬ — НА УСТАХ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС!
НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ — ДЛЯ ВСЕГО МИРА

...А вы знаете, доктор, я даже рад, что почти ничего не помню.

Кто это? Моя жена? Очень приятно, мадам, добрый вечер. Извините, но я вас впервые вижу. А кто эти славные молодые люди? Ах, мои сыновья! Надо же, какой сюрприз. Нет, я не шучу, мне и впрямь очень приятно... И чувствую я себя прекрасно. И аппетит замечательный — быка бы съел. И голова ну ни капельки не болит.

Но, доктор... вы мне вот что скажите: ЗАЧЕМ Я РОДИЛСЯ НА ЭТОТ НЕ ОЧЕНЬ-ТО БЕЛЫЙ СВЕТ?..

— Хватит, хватит вам дурью маяться! — раздраженно воскликнул доктор. — И не надо тут корчить из себя симулянта — ваша память давно уж восстановилась... Корооче! Все! Завтра я вас выписываю!

Но я не стал дожидаться завтрашнего утра.

В ту же ночь я сбежал из больницы. И домой возвращаться не стал. И я очень надеюсь остаток своих дней провести в покое и одиночестве. Не спрашивайте, где я сейчас нахожусь — все равно не отвечу.

КОМСОРГ ДУРДОМА **Исправление прошлого**

...Мы в ответе за тех, кого недолечили...

Каждое утро, направляясь на службу в родную газету, встречаю знакомые лица бывших своих пациентов, спешащих на очередной прием к психиатру.

Ничего удивительного — недалеко от моего дома, на берегу Енисея, располагается краевой психоневрологический диспансер, куда и торопятся не долеченные мною больные... Прошло более тридцати лет, как расстался я с медициной, но каждая такая встреча служит мне живым укором. И встречаю я их повсюду — среди бомжей и пенсионеров, литераторов и актеров, бизнесменов и даже политиков. Кстати, политика — самая заразная и трудноизлечимая болезнь, которой в последнее время захворали многие, даже очень далекие от политики люди.

Вон, к примеру, в мусорном баке роется мой бывший одноклассник Леня Сидоров — типичный бомж, небритый, грязный, в каких-то вонючих обносках, а ведь в школе он был отличником, потом стал талантливым авиаконструктором, лауреатом какой-то премии. И все рухнуло в один прекрасный день, когда Леню бросила жена. Разлюбила

такого умницу и красавца. Он впал в глубокую депрессию, дважды пытался покончить с собой (мне лично приходилось вынимать его из петли!), опустился, бросил работу, свел в могилу несчастную мамушку, потерял квартиру, которую выманили у него аферисты — и теперь ночует по чердакам и подвалам, собирает пустые бутылки и регулярно устраивает во дворе для таких же бомжей политинформации — читает им вслух газеты. И во всех своих и общероссийских бедах Леня винит, конечно же, коварную Америку... А ведь Америка тут ни при чем — во всем я виноват, я, я, я, который недолечил в свое время его и многих прочих.

Ну а это гордо вышагивает только что выскочивший из «мерседеса» и направляющийся к «серому дому» другой мой бывший пациент Альберт Пущенко, депутат краевого парламента от компартии, тоже яростный патриот. Он давно уж забыл дорогу к психиатру, считает себя здоровее всех врачей мира, а когда-то — я помню, я помню! — лечил я его от белой горячки. И ведь вылечил, и не только от горячки вылечил, но и провел ему курс противоалкогольной терапии с использованием гипноза — и Альберт навсегда избавился от алкогольной зависимости, больше в рот ни капли не брал спиртного. Но лучше б я этого не делал! Лучше бы он продолжал пить по-черному, чем заниматься политикой! Я давно заметил, что у многих бывших пьяниц, оказавшихся в полной завязке, катастрофически едет крыша. Вот и Альберт — перестав пить, он, неплохой журналист, увлекся политикой, учредил патриотическую газету, где, разумеется, стал главным редактором, а потом его выбрали депутатом, и вот тут он окончательно сошел с ума. Если выразаться чисто по-медицински, ему можно поставить диагноз: паранойальное развитие личности в стадии декомпенсации. Обострение, как и у многих, у него наступило после воссоединения Крыма с Россией. Альберт выступал на митингах, размахивал красным флагом, клеймил украинских нацистов и американских империалистов, призывал немедленно послать из Кырска в Донбасс батальон добровольцев. Правда, сам записываться в этот батальон не спешил, предпочитая роль дистанционного командира. Что ж, прости и ты меня, Альберт, за то, что я тебя недолечил...

На тех же митингах у памятника Ленину частенько встречаю Жору Кормилицына, вечного диссидента, которому я когда-то заменил уколы аминазина на таблетки — и зря это сделал, потому что таблетки Жора прятал за щекой, а потом выплевывал. Он так и остался невылеченным и до сих пор шатается по митингам, сражается за свободу и демократию, борется с ненавистным режимом Путина, дерется с коммунистами, называет себя «теньвым губернатором», создателем Сибирской демократической партии, произносит пламенные речи: «Руки прочь от независимой Украины! За европейские ценности! За вашу и нашу свободу!..»

Обычно его забирают в кутузку, а потом отпускают.

А вон из-за угла вышла еще одна моя бывшая пациентка — Раиса Кудрявцева, известная кырская поэтесса, тоже свихнувшаяся на политической почве. Прошла мимо меня, насупив брови, будто и не узнала, и не заметила. Ну да я не в обиде. Когда-то помог я ей выйти из реактивной депрессии на почве несчастной любви, но, видимо, не закрепил медикаментозный эффект психотерапевтическим внушением — и вот Раиса окончательно сошла с ума, на нее обрушились слуховые галлюцинации (в основном она слышит со всех сторон ненавистный «Голос Америки!») — и недавно ее увезли на «скорой помощи» прямо с выступления в краевой библиотеке, где она вы-

крикивала со сцены патриотические лозунги и призывала немедленно сбросить на Америку ядерную бомбу. Спустя несколько дней ее выписали из психбольницы, но назначили длительное амбулаторное лечение. И вот она идет, постукивая каблучками и гордо подняв голову, к своему участковому психиатру... А ведь это я, я должен был ее долечивать! Это был мой профессиональный долг, от выполнения которого я уклонился! Хотя когда-то давал клятву Гиппократу...

А вот еще один представитель писательской братии — прозаик Леша Скворцов — безвольная жертва Интернета, заблудившийся в сети, круглосуточный обитатель фейсбука и всяческих сайтов и блогов... Заметив меня, перебежал на другую сторону улицы — и мелким шагом устремился туда же, туда же, в психдиспансер, за очередной порцией транквилизаторов и психотерапевтической лапши на свои заячьи уши. Как и у многих, как и у сотен тысяч, как и у миллионов наших сограждан — у него тоже поехала крыша от бесконечного участия во всевозможных интернетских форумах, где царят вечная перебранка, виртуальное хамство, и никто не фильтрует базар, и где Леша не раз уже зарабатывал неприятности на свою нежную толерантную шею. То его побьют в подворотне, то вызвут через суд сто тысяч рэ за клевету, то в том же Интернете обзовут всяческими нехорошими словами. Ему бы задуматься, притормозить, а Леше все нейдет — и вот схлопотал бессонницу, тремор рук и чрезмерную потливость, мешающую общаться с прекрасным полом... А ведь я его предупреждал! Значит — плохо предупреждал... неубедительно...

А уж сколько таких не долеченных мною моих пациентов приходит ко мне в редакцию газеты, где я сейчас работаю... Шизофреник Миша Лошак с развевающейся рыжей бородой — обычно в дни очередного обострения он появляется на пороге моего кабинета с диким воплем: «Ну что, враг народа?! Пришел час расплаты!..» Спасибо моим коллегам, которые оттаскивают его от меня и вызывают «скорую помощь». А ведь когда-то лечил я его и шокowym инсулином, и электросудорожной терапией, и чем только не лечил... Значит, плохо лечил. Mea culpa... Моя вина...

Частенько вижу на телевизионном экране одного из заместителей губернатора (уж не буду называть его имени), которого много лет назад я лечил гипнозом от ночного недержания мочи. Он тогда был совсем мальчишкой, отставал в умственном развитии от сверстников, но, похоже, потом наверстал упущенное и даже преуспел в разных науках. Боюсь, что он — один из немногих моих пациентов, кого я все-таки сумел вылечить. Во всяком случае, его безумие в глаза не бросается. Хотя кто его знает... Будущее покажет.

Или тот же эпилептик Гарик Сазонов — сейчас он дряхлый старик, ветеран труда, заслуженный строитель России... Однажды во время очередного визита ко мне в газету, прямо в коридоре редакции, с ним приключился эпилептический припадок: Гарик упал с пронзительным воплем, его жутко трясло, изо рта шла кровавая пена (вероятно, он прикусил язык), а когда наконец приехала «скорая помощь», Гарик долго сопротивлялся санитарам и визжал: «Не дамся! Фашисты! Звери!.. А ты, — тыкал пальцем он в мою сторону, — ты самый главный преступник!..»

А я и не спорил. Я знал, что он прав.

Недавно меня прямо на улице остановил еще один бывший мой пациент — Слава Вайс, который лет сорок назад лечился по поводу маниакально-депрессивного психоза.

за. Но сейчас мне кажется, что я тогда ошибся в диагнозе. «Ну что, доктор, — вкрадчиво заговорил он, хватая меня за ворот, пугая прохожих и сверкая голубыми глазами, — не удалось вам от меня скрыться? Только не притворяйтесь, что не понимаете, в чем дело! Товарищи! Господа! Граждане! Перед вами — резидент американской разведки! У меня есть неоспоримые доказательства! Этот человек в течение многих лет создавал в нашем городе разветвленную сеть агентов — и сейчас в каждом учреждении, в каждом офисе, даже в краевой администрации сидят его агенты, враги нашего государства! Сотни осведомителей-стукачей на него работают! Он им платит валютой — долларами и евро! Проверьте его карманы — они набиты валютой! Он хочет купить нас всех! Много лет назад он пытался купить и мое молчание, но это ему не удалось! Держите его! Держите!»

Подошедшие полицейские задержали нас обоих. И вскоре Слава Вайс вновь оказался в родной психбольнице, а я отделался легким нервным расстройством. «Извините за беспокойство, — сказал, отпуская меня, капитан полиции. — Вы ни в чем не виноваты».

Он ошибался. Я был виноват во всем.

Я виноват абсолютно во всем, что происходит вокруг, с другими, с моей страной, я виноват и в том, что происходило со мной на протяжении всей моей жизни.

Я виноват в том, что родился и до сих пор живу.

Я виноват в том, что не слушался мою маму, когда она мне настоятельно советовала не увлекаться «писаниной».

Я виноват в том, что был плохим пионером и никогда не относился всерьез к тому, что поручала мне наша пионервожатая.

Я виноват в том, что долго не хотел вступать в комсомол, и сделал это лишь тогда, когда наша классная руководительница Майя Ильинична предупредила меня незадолго до выпускных экзаменов, чтобы я даже не мечтал о вузе, если срочно не вступлю в комсомол. И тогда я помчался в райком комсомола — и меня приняли без волокиты. И я сдал на пятерки вступительные экзамены в медицинский институт — и стал учиться на врача.

В институте я надолго забыл про комсомол, но когда после окончания вуза и распределения оказался в деревне, в краевой психоневрологической больнице, комсомол о себе напомнил: меня выбрали секретарем комсомольской организации. Так я стал комсоргом дурдома.

В моем прямом подчинении оказались два пьющих врача, один запойный фельдшер и несколько слегка выпивающих медсестер и санитарок — целый гарем цветущих сибирских красавиц. Иногда я давал им комсомольские поручения: сбежать в магазин за водкой, или поджарить картошки, ну, или еще чего-нибудь такого. Но я очень халатно относился к повышению нравственно-политического уровня личного состава нашей комсомольской организации, даже членские взносы собирал нерегулярно, а комсомольские собрания за три года провел только дважды. Второе (и последнее) собрание я провел накануне своего отъезда из деревни. В тот вечер весь личный состав ужасно напился. Женский контингент провожал меня народными сибирскими песнями, солеными слезами и сладкими поцелуями.

Больше я никогда в жизни никем не руководил, из комсомола был вскоре отчислен по возрасту, в партию не вступал, хотя братья-писатели настойчиво уговаривали... Особенно старался один престарелый поэт-либерал с многолетним партийным стажем, который частенько нашептывал мне за рюмкой портвейна: «Старик, ты не пони-

маешь!.. Все хорошие люди должны вступить в партию, чтобы развалить ее изнутри!..» Но по причине природной лени, робости и некоторой брезгливости мне не хотелось ничего разваливать, ни изнутри, ни снаружи. И я так и не вступил в партию... Но я вовсе не горжусь этим! Потому что, если бы я в нее вступил, я бы смог благотворно влиять на своих партийных товарищей, смог бы оказывать на них умиротворяющее, суггестивно-седативное, психотерапевтическое воздействие... А я — уклонился. И не горжусь этим!

Особенно же я не горжусь тем, что так и недолечил своих недолеченных пациентов. И вот теперь, на склоне лет, пожинаю плоды своего халатного отношения к врачебным обязанностям.

...А вчера меня пригласили на телестудию Тринадцатого канала для участия в передаче «Злоба дня».

— Вот вы — уважаемый писатель и журналист, — начал, обращаясь ко мне, ведущий. — Что вы можете сказать телезрителям о нынешней ситуации в мире и в России?

— Прежде всего хочу напомнить, что я не только литератор и журналист, но и бывший психиатр, — заметил я с присущей мне скромностью. — А психиатры, как и чекисты, бывшими не бывают... Так что на ваш вопрос я отвечу как психиатр: всем нам надо хорошенько лечиться! Лечиться, лечиться и еще раз лечиться! Это — главное! Мы совсем запустили свое душевное здоровье! Я бы мог посоветовать нашим федеральным, краевым и городским властям следующее: над каждым городом, над каждым населенным пунктом бескрайней России должны регулярно летать самолеты МЧС и поливать сверху аэрозольными смесями из нейролептиков. Лучше всего это делать еженедельно, по понедельникам, пусть именно этот день недели станет Днем душевного здоровья! Но... я, конечно же, понимаю, что эта моя идея не найдет отклика в широких народных массах и во властных структурах, хотя иногда мне кажется, что подобным манипуляциям нас всех давно уже подвергают... Впрочем — не уверен... не знаю! И поэтому хочу взять инициативу на себя. Да, прямо сейчас! — Я откашлялся. — Для начала предлагаю всем телезрителям поудобнее устроиться в своих креслах, расслабиться, закрыть глаза — и представить себя... ну хотя бы летящей чайкой... Да, да, вы — чайка, вы белая чайка, парящая над бескрайними просторами России... Вы спокойны, вы совершенно спокойны... Ваши руки тяжелые... ваши веки тяжелеют... ваши крылья неутомимы... Вы засыпаете... вы слышите только мой голос... Только мой голос вы слышите, черт бы вас всех побрал! Вот так... хорошо... прекрасно... Все будет хорошо, я вам обещаю... Постараемся же спокойно досмотреть это кино до конца, понимая, что режиссеры не очень вменяемы, а актеры не очень талантливы. Будем верить — а что нам еще остается? — в милосердие всеблагое и всемогущего Главврача, который где-то там, в небесах, пока дремлет, но скоро ведь Он проснется и пропишет нам всем спасительные пилюли. Ну а если не верите в Главврача, верьте в самих себя. Наше будущее зависит от нас... Когда проснетесь — повторяйте эти слова: «Все будет хорошо!» — и все само собой образуется. Все будет хорошо! Все будет хорошо! Все будет хорошо! Повторяйте эти слова три раза в день, после еды или вместо еды — и все будет хорошо. Ну, давайте же — повторяйте! Все будет хорошо! Аллес гут верден! Все будет вери вел! И це хэнь хао! Все будет мольто бэнэ!

Так за один сеанс я вылечил всю страну, всю планету. Я — гений! Я — комсорг всемирного дурдома!

...А кто исцелит меня?